

Андрей Дрожжин

Труба

18+

Андрей Дрожжин

Труба

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=37406995

SelfPub; 2018

Аннотация

Дважды в одну воронку снаряд не попадает. Дважды невозможно войти в одну реку... Эти и подобные утверждения, конечно, спорны. Ну, а вдруг?! Стоит ли ловить преступника на однажды удавшемся ему трюке? Вероятно, да! Но только вот, – что делать, если преступника больше нет? Последний вопрос, прибывшую из Москвы на один из многочисленных «почтовых ящиков», комиссию не слишком волновал. Потому-то и появилось там нечто такое... Труба, одним словом.

– Костя, на «трубу».

Костя, худой, высокий, лобастый парень лет двадцати пяти, застыл в дверях, как вкопанный и, скорчив гримасу, опустил, практически уронил, на пол спортивную сумку.

– Виталий Витальевич!..

– Костя!

– Виталий Витальевич, почему я?

– Костя, на «трубу-у-у», – начальник, выпячивая нижнюю губу, чтобы было более отчетливо, растягивая ударное «у», но так и не поворачиваясь к двери, возле которой застыл пришедший, повторил указание. – Распоряжения руководства не обсуждаются. Слышал когда-нибудь такое?

– Приказы не обсуждаются, в армии слышал.

– А мы не в армии, поэтому тут распоряжения. Передавайся быстро и беги. Мне смену отпускать надо. Я даже автобус из-за тебя задержал. Дениска тебя довезет.

Костя за ремень поволок по полу сумку к своему ящику.

– Ну, почему я-то!?

Виталий Витальевич положил обгрызенную ручку на вахтенный журнал и повернулся.

– Ты сегодня последний, поэтому тебе и идти.

Костя не хотел ничего отвечать, типа: «обиделся, разговаривать больше не о чем», но не смог. Секунд через двадцать он сказал.

– Что, – что последний? Смена-то не моя. Мне на следу-

ющей неделе только...

– Я знаю, – кивнул головой начальник. – Но Савельев заболел, его нужно кому-то заменить...

– А на замену только я гожусь, да? Я его в прошлый раз заменял. А до этого Жека. Только вот за Жеку он отработал, а за мой тот раз нет. И теперь опять я. Уже два раза, – перебил Костя.

– Нет, – словно не замечая сказанного, также спокойно, как начал, продолжал Виталий Витальевич. – Годится любой. Но опоздал ты. У нас, если ты помнишь, режимный объект. И нарушать режим, это значит подставлять жопу своего начальника другому начальнику. Мне что, как думаешь, очень нравится, когда меня в жопу дерут? Поэтому за опоздание нужно получить наказание. Футболку задом наперед одеваешь.

Начальник отвернулся. Взял ручку и заложил за ухо. Она тут же упала и, несмотря на шлепки огромной ладони по журналу, успела укатиться под стол. Пришлось отодвигать стул и пытаться протиснуться между тумбочек, но не вышло. Чертыхаясь, Виталий Витальевич поднял свои метр девяносто пять, убрал стул в сторонку и на карачках полез в пыль и темноту.

«Так тебе и надо! – подумал, выворачивая на изнанку футболку, и глядя на торчащий из-под стола зад, Костя. – Да еще бы и пендаль дать, чтоб ты там и остался!».

– Ты странно, Костя, рассуждаешь, – словно оправдыва-

сь, заговорил Виталий Витальевич. – Ты думал: опоздаешь на двадцать минут, а я тебя за это в столовую на раздачу поставлю?

Во втором ряду раздевалки за металлическими шкафчиками раздался смех. Костя сначала хотел ответить, но, узнав этот громкий, идиотский смех, решил, что лучше будет промолчать.

Лёха Беззубый – здоровый, «недалекий» дятин, которого все нормальные люди стараются обходить стороной. Какая-то неведомая, тонкая, тонюсенькая даже, грань отделяет его существование на воле от тюрьмы. Многие в городе знают этого парня и желают ему скорейшего попадания в нее, но никому не хочется стать этому причиной. На работе он ведет себя довольно мирно, иногда с ним можно даже поговорить, но на улице, чтобы не нарваться на неприятности, лучше с непредсказуемым Беззубым не встречаться. Авторитет им признан только один, – Виталий Витальевич.

Лёха, словно минуту назад не замер, подслушивая разговор, вышел из-за шкафчиков. В телогрейке и ватных штанах он по сравнению со щуплым Костей казался просто огромным.

– Что, Костян, опоздал в столовку? – он хлопнул Костю по плечу так, что тот чуть не упал, а сам заколыхался от смеха.

– Да пошел ты, – прошептал Костя, понимая, что Беззубый за своим хохотом его не услышит.

– Лёха, давай домой, – вмешался Виталий Витальевич.

– Да, да, иду, Виталий Витальевич. Вы его в следующий раз в женскую раздевалку за опоздание в наряд поставьте! – и снова заржал.

– Виталий Витальевич, он что придурок? – спросил Костя, когда Лёха хлопнул дверью.

– Нет... – поразмыслив, ответил начальник.

– А что ж тогда?..

Виталий Витальевич отвернулся к столу и стал чего-то писать в журнал. Потом остановился и повернулся обратно. Внимательно и грустно посмотрел на Костю, постукивая ручкой по зубам, и сказал:

– Не связывайся, Костя. Он не придурок. Он дурак. Я говорю: ты футболку задом наперед одевал!

– Ну, я ж вывернул!

– Костя, – Виталий Витальевич снова повернулся к журналу, – придурок – это ты!

– Тьфу, – дошло до Кости и он начал выворачивать футболку обратно.

Виталий Витальевич снова занялся журналом, а Костя перед тем, как снова обидеться на начальника, еще немного повспоминал, ушедшего.

Беззубым Лёха сделался несколько лет назад, решив попробовать себя в спорте.

Жил тогда еще в городе Клей. Звали его, как и Костю, Костей. А прозвище себе он придумал сам, в честь любимого

боксера Мохаммеда Али.

С виду ничем не примечательный парень: среднего роста, поджарый, с коротко обритой головой. Квартиру делил вместе с Кенгуру – они были из одного детского дома и, достигнув совершеннолетия, получили на двоих эту квартиру и работу на предприятии. Одну комнату занимал один, а вторую другой. Так и жили. Все было у них общее, как и до этого, в детском доме. Они были лучшие друзья. Лучшие и единственные: другими друзьями никто из них так и не обзавелся.

Клей не видел в этом необходимости. Все свободное время он тренировался и дотренировался, в результате, до того, что уехал профессионально зарабатывать боксом.

На предприятии и Два Винта, и сам директор просили его остаться. Предлагали организовать боксерскую секцию, – учить ребятишек. Клей очень переживал, что отказал, но по-другому поступить не мог. Он был в самом начале своей карьеры профессионально бойца, на пике физической формы и ему самому не хватало толкового наставника. Воспитанником детского дома он занимался с хорошим тренером. Здесь же учиться было не у кого. Клей прекрасно понимал, что общую физическую подготовку он самостоятельно осилит, но боксерского опыта не наберет. А накопленный начинает терять и очень скоро от него не останется совсем ничего. Поэтому собрался и уехал.

Кенгуру остался совершенно один.

У него не получилось завести себе друзей по другой причине. Небольшой горб и недоразвитые руки, которые до конца не разгибались, с маленькими, словно детскими, пальчиками, хотя и были полностью функциональны, стали причиной инвалидности и появления такого безобразного прозвища.

Родители отказались от него сразу же, в роддоме. Но отпугнувшие мать и отца, прогнозы врачей об умственных способностях ребенка не оправдались. Мальчик имел физические недостатки, которые со временем становились все более очевидными, но рос очень смышленным, и окончил школу с хорошими оценками. Своими успехами в освоении школьной программы Клей, кстати, тоже обязан другу.

Кенгуру был тихий и скромный парень, старался не доставлять никому хлопот, сам обслуживал себя и никогда не уклонялся ни от какой работы. Он не стеснялся своих недостатков, хотел чувствовать себя полноценным, старался быть полезным и именно в этом чувствовал свое предназначение. Как мог, помогал нуждающимся в помощи. Но таких людей, принимающих его заботу, было мало. Поэтому опекал он в основном стариков. Остальные люди общались с ним неохотно, а многие вообще брезгливо сторонились. От умного, доброго парня отпугивал его внешний вид.

Но, не смотря на скромность, когда речь заходила о защите чести и достоинства, не важно, своей или кого-либо еще, Кенгуру был совсем не робкий. И в этом вопросе он не нуж-

дался даже в физической поддержке Клея, хотя за ним был как за каменной стеной. Жизнь в детском доме научила постоять за себя.

В кое-какие боксерские «штучки» посвятил его друг. В основном это касалось защиты: смягчению и уклонению от ударов, ведь бить, как следует, Кенгуру не умел. Но мог ли он знать, что самый болезненный удар нанесет ему отъезд друга! Отсутствие именно моральной поддержки, стало сказываться все сильнее. Кенгуру только сейчас понял насколько он одинокий и ненужный. И хорошо, что, оставшись на остановке один, он не видел, как плачет в автобусе Клей, покинувший, не смотря на все их заверения о скорой встрече, город навсегда.

С тех пор Кенгуру домой не торопился. Причиной тому стал Лёха, а вернее, его новый дружбан, Лёлик Веселый, – воспитанник другого детдома, который в скором времени поселился в комнате, принадлежащей Клею.

К таким ударам судьбы Кенгуру не был готов и бросил сопротивляться обстоятельствам.

Лёлик был из шпаны и легко нашел себе подобных. Лёха со своими дружками хоть и жил в соседнем районе, но быстро оказался тут как тут. И познакомившись, стали они устраивать в этой квартире попойки и гулянки, да так, что жить сделалось невыносимо всем в округе. Полиция наведывалась к ним регулярно, но ничего не делала. «Писать» на дебоширов соседи побаивались, поэтому Лёху и всех «гостей» вы-

проваживали домой, а с Лёликом Веселым... чего с ним поделаться? – он же, вроде как, дома. Но не это главное, а то, что заместителем начальника городского УВД «служит» майор Корнеев, – отец Корнета, – Лёхиного дружка, и «выпроваживание» гуляк заканчивается тем, что их, поющих песни, на полицейской машине просто развозят по домам.

Собственно говоря, майор Корнеев и стал зачинщиком травли Кенгуру. Всю жизнь ему не дает покоя, что в городе живут инвалиды, да еще и чувствуют себя полноценными гражданами: имеют работу, а с ней и весь «соцпакет», которым обеспечил их Два Винта, взяв к себе в охрану на предприятие. И вот через своего сынка, готового, как папа научил, подставить любого человека без разбора, даже друга, с помощью «пострадавшего» Лёхи Беззубого, начал действовать.

Кенгуру компания не была, – за подобное реально статью схлопотать, он же инвалид, и тут никакой папаша не «отмажет». Но и проходу парню не давали. Постоянно, вроде не нарочно, задевали, толкали; вламывались в его комнату; не давали спать; всячески глумились: брали вещи и словно нечаянно роняли на пол; включали свет, когда Кенгуру пытался уснуть; чего-нибудь бросали на него (чаще всего соседскую кошку, которую подбирали в подъезде). Да много чего. Эти дебилы давили его морально.

Кенгуру начал хиреть, но никому не жаловался.

Вмешался в эту гнусную историю только Два Винта, когда

обратил внимание, что парень сам стал проситься на ночные дежурства на «трубу», место, с которого бежали все, кроме постоянно «прописанных» там Мухомора и Запотелина. Приезжал на смены гораздо раньше, а после не торопился уходить. С удовольствием выходил на подмены и, бывало, не возвращался домой по несколько дней. Два Винта поговорил с Кенгуру и с большим трудом выпытал в чем дело. На следующий день он нашел Корнеева, но тот не стал разговаривать, а пригрозил серьезными неприятностями. Они и вправду могли случиться.

– Не лезь не в свое дело, ВДВ! – отсек Корнеев, только услышав о чем пытается узнать Два Винта, и продолжил, каждый раз делая ударения на «ты» и «тебя». – Ты эксплуатируешь инвалидов, на сколько мне известно! А знаешь, что по закону у них должна быть «сокращенка»? А они работают у тебя целые смены, да еще в ночь ты их ставишь! Сказать тебе какая это статья и на сколько тебя по ней «закроют»?!

Корнеев говорил правду. Несоблюдение законодательства при работе с инвалидами могло обернуться проблемами. И если Кенгуру возможно снова перевести на дневные смены, то от Витька Запотелина, который по несколько часов не моргая смотрел на появившуюся недавно на предприятии «трубу», толк был только ночью, ведь сброс из отстойника в очиститель по инструкции производили после дневного заполнения.

– А если еще и «отягощающие»?! – засмеялся вслед ухо-

дядьему ВДВ Корнеев. – Подумай, подумай! И о друзьях своих подумай тоже!

Но Два Винта пошел не думать, а к начальнику УВД. Они были знакомы с самого первого дня, но ВДВ никогда не обращался к нему с личными просьбами. В исключительных случаях хлопотал за кого-то. Данный случай Два Винта посчитал исключительным.

Поговорили. Оказалось, что начальник УВД знает о том, что комнату Клея занял другой детдомовец, но со слов Корнеева: «временно, пока не решится вопрос с его расселением, – в данный момент комнат нет. Уехавшего парня никто не «выписывал» и жилье за ним сохраняется». Это хорошая новость. Плохая в том, что Корнеев имеет очень серьезный козырь, который может пустить в игру. Доложит, скажем, мимо непосредственного начальника, в Москву о таком нарушении на предприятии, припишет бездействие своего руководителя, и тогда мало не покажется никому. На ВДВ и директора предприятия «заведут дело», а место начальника УВД займет сам инициатор разбирательства. Поэтому, в срочном порядке необходимо перевести инвалидов на режим работы с соблюдением всех норм законодательства, по крайней мере, до нейтрализации корнеевского информатора. И конечно, найти этого самого информатора.

С последним пунктом проблем не было. Два Винта сразу догадался, что Корнету «сливает» все Лёха Беззубый, ну а тот папе. Зачем это Лёхе, догадаться несложно, – он никак не

мог пережить свою давнюю обиду на Клея, которую теперь вымещает на его друге.

А ведь сам же, идиот, виноват! Все вызывал Клея на бой. Знал, что Костя боксер, но не унимался. «Зальет глаза» со своими дружками, и давай подначивать. Клей долго терпел, но потом согласился: «Давай, завтра, если не передумаешь, побоксируем, когда протрезвеешь». Лёха по утру забыл всю эту историю, но провокатор Корнет напомнил.

Пошли на большой коллектор. Это такое городское «судное место». Все, от школьников до взрослых дядей, а иногда даже и тетей, разбирали там возникшие разногласия и спорные моменты.

Состоялся плохой бокс.

«Плохим», знатоки называют бокс, в котором не было бокса, а был, скажем, бег, или балет, или дворовая потасовка. Тем же, кто в этом спорте разбирается слабо, но готов заплатить за зрелище большие деньги, «плохо» становится, когда зрелище, не веря, что оно наступит так быстро, просто проморгал, отвлекшись, например, на падающую с бутерброда икру.

Клею под предлогом того, что это не драка, а «бокс», удалось все-таки убедить Лёху одеть боксерские перчатки, что у друзей вызвало сначала недоумение и разочарование в смелости Клея, а затем, когда Лёха с трудом втиснул в них свои огромные кулаки, истерический хохот.

Встали друг против друга. Клей, зная наперед исходы по-

добных поединков, по-честному, спросил:

– Ты не передумал?

– Давай, давай! – гримасничая, ответил Лёха.

– Руки подними к башке, – посоветовал Костя.

– Давай, давай, чего ты мне «шнуруешь»! – продолжал па-ясничать Лёха, делая движения руками, как греб веслами на лодке, приглашая противника атаковать. Дружки ржали без удержу.

Его зубам оставалось быть вместе еще каких-нибудь се-кунд пять.

– Блок поставь плотнее, – дал последнее напутствие Клей.

– Ну, на. И что теперь? – ответил Лёха и поднял руки.

Клей еще секунду подумал, но, поняв, что ничего с Лёхой не поделаешь, и спектакль затянулся, ударил первым.

В разрез плохо сведенных перчаток, новоиспеченный бок-сер получил жесточайший правый апперкот, очень, учиты-вая, что Клей ниже Лёхи почти на голову, правильный выбор удара, и оказался лежащим вниз лицом в нокауте.

Бокс потряс не только Лёху. Зрители мгновенно стихли и не в силах шелохнуться, будто под гипнозом, смотрели, как из-под головы неподвижного друга вытекает кровь. Они ду-мали, что Клей, спокойно снимающий с себя перчатки, од-ним ударом разбил Лёхину голову. На самом же деле, Клей только убрал корпус, чтобы туша не придавила его самого. Если бы он знал, что от встречи головы с бетонными плита-ми коллектора Лёха останется с рассеченной губой и без па-

ры зубов, может быть, и придержал бы его, но отскочил рефлекторно. И случилось то, что случилось, – к Лёхе прицепилась «погремуха».

Костя, неторопливо одеваясь, подумал, что, позабавив себя воспоминаниями о Лёхиной потере, снова наступило время пообижаться на начальника. И начал припоминать: за что бы? Оказалось, что кроме сегодняшнего «назначения» на «трубу», в котором он сам, по совести сказать, виноват, особенно и не за что.

Виталия Витальевича, по прозвищу ВДВ, «за глаза» называли еще Два Винта. ВДВ потому, что это сокращенно от «Виталий Два Винта», а еще потому что он действительно служил в десантуре. А вот почему Два Винта, – не понятно. То ли из-за армейской татуировки на плече, где у самолета, по какому-то немислимому замыслу кольщика, получились непропорционально большие пропеллеры. То ли из-за маленького Андрюшки, внука Мухомора, который, силясь назвать Виталия Витальевича по имени и отчеству, смог выговорить только «Винт Винталеч», или что-то такое. ВДВ он этим не очень смутил, а вот мужиков со смены очень позабавил.

Это было, когда Виталий Витальевич только устроился на предприятие. Стояли они все вместе, человек десять, у проходной, курили, ждали автобус. На автобусе старший сын Мухомора работал и брал всегда с собой после детского сада

Андрюшку. Сажал рядом с собой на мотор в ПАЗике, и ехали они «на завод за дедушкой». Частенько опаздывали минут на десять-пятнадцать, как в тот раз. Да мужикам все равно торопиться некуда. Погода хорошая.

Когда автобус приезжал, открывалась передняя дверь, но никто не заходил, – ждали, когда выйдет Андрюшка и с каждым поздоровается за руку. Всех знал, всех по имени называл. Вот, наверное, благодаря ему и стали называть Виталия Витальевича сначала Винт-Винт, а потом просто Два Винта.

Привел и устроил его на должность начальника службы охраны лет пятнадцать назад бывший директор. Это был небывалый блат, – человека «со стороны», без опыта работы, только пришедшего из армии, устроить сразу начальником на «секретку». Но директор не сомневался в своем однокласснике. Они дружили с детства, но один пошел учиться и доучился до директора, а второй отправился служить на «срочную», да так и остался в десантуре, откуда вышел в запас, подполковником. Сейчас ему около полтинника, хотя про ВДВ такого не скажешь. Лет тридцать ему дашь. Ну, тридцать пять из-за появившейся седины. Как будто только что вышел на «гражданку» и не было этих последних полутора десятков лет.

О директоре тоже стоит рассказать, но несколько позже, а про Виталия Витальевича надо еще добавить, что странный он какой-то... Отдав армии пятнаху, он так и не стал военным. Голос некомандный; никого не «строит»; с чувством

юмора дружит; к субординации относится спокойно, – с подчиненными старается договариваться, а не приказывать; никогда никому не напоминает, что подполковник, подполковник ВДВ; никогда никому не угрожает, что своим кулачищем, «если что», может не ударить, а просто опустить его сверху на голову оппоненту и получится от этого сотрясение мозга, если он есть, и т.п. Он вообще как будто стесняется своего армейского прошлого и считает себя гражданским.

Мужики говорят, что так не бывает. Половина из них тоже военные, остальные прошли «срочную» (охрана ж), но все сходятся в одном: Два Винта либо прошел какую-нибудь «компанию»: на Кавказе, а может и подальше где; либо «подписной» «секретчик». Что звание у него, ни фига, не подполковник; наверняка имеет боевые награды и возможно ранения.

Ну, а как так? Уволиться в запас в 35 лет подполковником?! И это, придя в армию по призыву! Да с такой стремительной карьерой он годам к сорока двум уже мог генералом стать! А он уходит в запас, чтобы работать в охране на заводе. Немыслимо! Но толком никто ничего не знает, поэтому приходится додумываться...

Вообще, этот рассказ нужно было бы начать совсем с другого. А именно с предыстории. Тогда стало бы понятно: о каком «предприятии» идет речь, и на какую такую «трубу» так не хочет идти Костя, но вот уже вышел из подъезда, закурил

и пошел.

Таких городов много. Они вырастают вокруг огромных предприятий, названных градообразующими. Так получилось и здесь. Партия, в то время единственная – коммунистическая, дала приказ, комсомол, ныне мертвый, ответил «по форме» и на строительство завода выдвинулись толпы молодых. Строили они завод, который будет производить все равно что, главное, что стройка большая. Параллельно строился город. В результате появилось огромное предприятие (заводом местные называют его крайне редко), выпускающее совсем не, как комсомольцам-строителям, «все равно что», а секретную продукцию. Еще такие заводы называют «почтовыми ящиками», но здесь предпочитают говорить «предприятие».

Представьте себе такой «градообразующий» расклад. Примерно 3/5 всего работоспособного населения занято на производстве. По одной пятой работают на Базе и всем остальном, что только есть в городе. А есть в нем практически все: кинотеатры, парикмахерские, магазины, бассейны и прочее. Короче, пятая часть населения работает в сфере бытового обслуживания.

База – это тоже довольно крупная точка, на которую стекается все для нужд города. Тут находятся и промышленные рефрижераторы с пищей, и шмотки, и всякая бытовая химия, и техника, и электроника, ну, в общем, все, все, все.

Но самый главный объект – это, конечно, предприятие. На

котором пару лет назад произошло крупное ЧП, а именно: утечка информации. Утечка в самом прямом смысле слова, так как «секрет», проделав заплыв по канализации, через какое-то довольно короткое время «всплыл» (уже в переносном смысле) в Болгарии!

Ситуация с его пропажей стала «темой номер один» у очень высоких чинов в самой Москве! Из Кремля попытались надавить на руководство суверенной республики, забывая при этом, что времена уже не те и Болгария нам не только неподконтрольна, как было прежде, но даже все реже «друг, товарищ и брат». Так и вышло. Неторопливые болгары ответили, в простом изложении, примерно так: «Вы, вероятно, что-то перепутали, товарищи!». Когда недальновидная, неприкрытая угроза не сработала, решили применить дипломатию. Но, испытывая Болгарию на прочность нервов первым способом, потеряли слишком много времени – секрет «утек» еще дальше и очутился в ЭфЭрГэ. И пока болгары вдумчиво (читай – долго) сочиняли примерно такой ответ: «Хорошо, товарищи, мы поищем...», стало ясно, что искать уже нечего. Тогда гнев Кремля обрушился на спецслужбы. И гнев праведный, ведь их прокол иначе как совершенно очевидным не назовешь. Как можно было сразу не понять, что Болгария, – потенциальный транзитчик не только российского газа, но и ворованных секретов, и наши документы им не пригодятся?! У страны просто нет технической возможности реализовать, придуманное нашими головастыми

изобретателями. Нет ни предприятий, ни оборудования, а главное: им негде применить конечный продукт! Пока додумались, «секрет» пересек несколько условных европейских границ и очутился в точке назначения, – технически высококоразвитой стране, где его очень ждали. В наших спецслужбах начался звездопад, а страна Болгария в тот год, чуть ли не вся, оделась в халявный вьетнамо-немецкий Адидас.

Вместе с «секретом» «утек» и появившийся на предприятии несколько лет назад молодой, но очень талантливый инженер с простой русской фамилией Федотов. Последний раз его видели в Казани, когда он по поддельному паспорту на имя Моисея Шварца пересек в местном аэропорту линию, отделяющую эту жизнь от израильской.

И тут спохватились поздно!

У Кремлевских особистов от телефонного разговора с директором предприятия очень быстро расшаталась нервная система. Директор разговаривал спокойно, в своей манере: иронизируя над ситуацией и подшучивая над собеседниками. И, в конце-концов, его разумные ответы вывели их из равновесия.

На вопрос: «Как допустили выезд, он же «невыездной»?», ответ был совершенно очевидным: «А как его не отпустить на лечение к родственникам в Казань?». Особисты: «Какие родственники у Шварца могут быть в Татарии?». Ответ: «А почему у Шварца не может быть родственников в Татарии, тем более, что он тогда еще был Федотовым?». Разведчиков

только раззадорили ответы вопросами и они, уже не скрывая эмоций, перешли практически на крик: «Вы отвечаете вопросом на вопрос! Вынуждены задать его еще раз: какие родственники у Федотова могут быть в Казани?! Кто-нибудь проверял информацию?!». И все в таком ключе.

Родственников Федотова никто, конечно, не «пробивал», так как они были ему не самые близкие и находились в другом городе. Да и сам Федотов, не будучи ведущим специалистом, доступа к самым «секретным секретам» не имел. Каким образом он ими завладел – это другой криминальный рассказ.

А сейчас, после разговора с Москвой, директор в преддверие надвигающейся со стороны столицы «бури», собрал экстренное совещание с инженерами и конструкторами. Чтобы минимизировать потери, решено было представить проверяющим отчет о пропаже документации не по последней разработке, «утекшей» в трубу, а по предыдущей модели. В отсутствии логики такого шага директора не упрекнешь! Предпоследняя модель была откровенно слабая, сильно, как говорят, «отставшая от времени», с множеством сомнительных новаций и недоработок. Даже дилетанту практически сразу станет понятно, что вреда от подобной потери не много. Премница же избавилась от детских болезней, стала современнее и качественнее, но и она нуждалась в длительных испытаниях для подтверждения правильности выбранных решений. А вот до испытаний модель не дошла (ее теперь, веро-

ятно, испытывали немцы). Поэтому, параллельно с «отмазками в центр», нужно было приложить максимум усилий на улучшение показателей пропавшей модели и как можно скорее вывести ее обновленную версию на испытания. Несколько идей конструкторы предложили сходу, и процесс пошел. Первое КБ принялось за доработку, а второму КБ поставили более сложную задачу: «разработать то, что не даст нормально функционировать тому, что немцы выпустят вместо нас». Благо и здесь уже были кое-какие наработки. Другими словами: необходимо запустить дезинформацию, которая уведет «коллег» из Германии с правильного пути, как Иван Сусанин поляков. Эта практика в шпионских играх не нова, и иногда срabатывает.

Отчет и «кризисный план» отправили в Москву и там, вроде бы, успокоились на время.

Не смотря на это, московская комиссия появилась довольно быстро. Сначала посвященные в тему (директор, Два Винта и еще несколько человек) думали, что придут «следаки» для проведения мероприятий и разбирательства с пропажей, но оказалось, что приехали спецы по другой части. Почему именно они и о том, как они работали немного ниже. Сейчас хочется особо упомянуть об одном чухонце, который запомнился всем больше других.

Как это часто бывает, был он в комиссии, самый «никто» – адъютант их старшего. Толстенький, лысый, потный, с высоким, сбивающимся голоском, переходящим в моменты ис-

ступления на истерический визг. На предприятии за манеру забегать то с одной, то с другой стороны, чтобы оказаться поближе к хозяину, его сразу окрестили Бобиком. Он симинил своими короткими ножками между статных членов комиссии и вправду производил впечатление собачонки. Но был настоящей собакой! Все вынюхивал, вынюхивал везде; все нашептывал, нашептывал чего-то; все тыкал во все стороны пальцами.

Комиссия постановила: отстранить директора от занимаемой должности (ему на смену должен был приехать какой-то черт из Москвы), уволить половину охраны, оборудовать пост контроля.

С увольнением директора, совершенно неоправданной и бестолковой мерой, тянуть не стали. Удивительно, что не сняли «до кучи» и главного инженера с начальником охраны. Но это, возможно, только до поры, когда они разберутся со своими кадрами. Тут, надо признать, разобраться уже давно назрел вопрос. Мягкость ВДВ расслабила коллектив. Демократичность порой граничила с анархией. Но ЧП произошло, конечно, не поэтому, – просто так совпало.

Комиссия через пять дней уехала, а лысого оставили доделать кое-какие дела, дособирать необходимые материалы. И началось! Бобик стал всемогущим, и начал «давать из себя» большого начальника. Шатался по территории предприятия и, брызгая слюной, визжал и покрикивал на всех, кого встречал на пути. Особенно доставалось охранникам, кото-

рых он, не стесняясь в выражениях, называл врагами и предателями, упустившими государственную тайну. Половине народу, включая работников столовой, грозил сроками, а над другой половиной куражился, что сможет переубедить свое руководство и с коллектора снимут крышу, загонят туда народ с лопатами и заставят гавно перекидывать в отстойник до пенсии без оплаты. К счастью за пару дней управился и отбыл.

Если бы Бобик поменьше «рамсил», а потихоньку доделал работу и свалил, то доехал бы до своей Москвы без приключений. Но Лёша Савельев, из-за которого Костя сегодня попал на «трубу», получивший от лысого свою долю «позитива» и с ней угрозу тюремного заключения, не мог оставить такого хамства без наказания, поэтому позвонил старшему брату и рассказал о гастролере.

Саша Савельев после второго своего тюремного срока сходянком был направлен в небольшой соседний с предприятием город для наведения там порядка. А после третьего срока, когда он был коронован, уже «официально» возглавил местный бандитизм. И хотя сам уже не участвовал в мелких разборках, чтобы по горячности характера не впутаться в очередной «дешевый отмороз», а выезжал только по необходимости на важные «терки», с радостью откликнулся на просьбу брата «побазарить за рабочий класс».

Кое-какие подробности об отъезде Бобика сообщил ему Два Винта и единственное, о чем очень просил: не трогать

портфель с бумагами, дабы не «навести». А вот почистить, чтобы все сошло за обычный грабеж, и покуражиться, на что Савельев был с детства мастер, можно.

Ну, так и сделали. За пару часов на машине со своими пассажирами Саша прекрасно добрался до «станции обслуживания» лысых толстячков.

Бобик ехал домой с комфортом, попивая «Арарат», крайне собой довольный. Но по пути, на первой от города станции, его купе, которое он занимал единолично, посетили три не слишком вежливых, зато молчаливых и в костюмах (спортивных) гражданина. Перевернув лысого вверх дном, также спокойно как вошли, покинули поезд во время десятиминутной остановки, сели в свой автомобиль Ауди 80 и умчались. Уходя из купе прикрыли за собой дверь, но не плотно, чтобы проводник обнаружил примотанное скотчем за ноги к верхним, а за руки к нижним полкам тело не через сутки, а пораньше.

Бобик висел голый; избитый и напуганный; с выпученными, от боли и страха открывающейся двери, глазами, так как натянутый скотч связывал его главный, такой же ничтожный, как он сам, посиневший прибор с дверной ручкой. На эту пятую точку крепления спортсмены скотча маленько сэкономили, поэтому толстячок несколько неестественно изогнулся. Если бы не побои и вытекающая от головокружения, вызванного непривычным состоянием тела в пространстве, коньячная блевотина, выглядело бы это все комично.

Лишившись зуба; Ролекса; золотых: браслета, цепочки и перстня; почти новых кроссовок Найк; ремня и джинсов Армани; налички; Айфона и Айпада, лысый сохранил две ценные вещи, на которые представители от спорта не посягали: честь и документацию.

Инсценировка ограбления прошла отменно! Кто бы сомневался – матерый рецидивист Мойша, он же Саша Савельев, свое дело знал!

Первый раз он попал за решетку за плохо подготовленную мелкую аферу, поэтому и стал на зоне нареченным Мойшей. И отсидел бы Саша потихоньку свою сухую короткую статью, если бы не юношеская страсть к приключениям. Полез он зачем-то в сомнительную разборку. Никто его об этом не просил, никто его в ней не ждал, дело его совсем не касалось. И все бы кончилось плохо, если бы фраера в пылу потасовки чуть не «расписали» местного авторитета, который случайно под руку подвернулся. Вот тут-то и сгодился Савельев со своей, вернее с отобранной у кого-то по пути, заточенной ложкой. Махнул пару раз... и в трюм. Благодарный авторитет от больших проблем его «отмазал», но отсидеть, в результате, все равно пришлось чуть не в два раза больше назначенного.

Савельев вернулся домой, но сверх быстро снова оказался за решеткой. Причиной, как не странно, стал отец. Работяга, принципиальный мужик старой закалки, с порога заявил, что не потерпит в своем доме уголовника. А идти Са-

ше больше было некуда, ведь квартиру, в которой он жил с матерью после их с отцом развода, отобрали. Саша обвинил в этом отца. А потом, когда скандал запылал, как стог сена, и не только в этом.

– Это ты мне жизнь искалечил, падла, – орал он на весь подъезд, – а теперь признавать это боишься! Это из-за тебя я стал такой! И за решеткой в результате оказался тоже из-за тебя!

Родители развелись, когда Саше пошел десятый год. Но и до этого их совместной жизнью называлось только пребывание в одной квартире со скандалами и рукоприкладством. Кроме ребенка родителей не связывало ничего.

Алексея Петровича жена, с его слов, «окрутила». Он мужик правильный, толковый, смурной и грубоватый. Она: веселая, шустрая, легкая, всегда везде первая. Женился он только, чтобы не говорили, что обрюхатил девку и бросил. Поначалу все думал, что сможет выбить «ветер из задницы», как он говорил, и семейная жизнь наладится. Но не вышло, и довольно долго промучившись, они все-таки разошлись.

Саша с матерью ушли жить в ее квартиру, где одну комнату занимала вонючая, прикованная к постели бабка, а в другой разместились они. А Алексей Петрович сразу же привел в дом такую же мощную и властную, как он сам, лишённую чувства юмора, вкуса и женского обаяния правдорубку Людмилу. Они, не скрываясь, встречались уже давно, но же-

на терпела и из вредности развода не давала и согласилась лишь когда Людмила забеременела. После этого жизнь матери быстро покатила в пропасть: она с горя начала «поддавать», да со временем все сильнее и сильнее, и «веселиться» пуще прежнего. Выносить полоумную старуху, которую смерть категорически не хотела забирать и «гулящую» мать, Саша не мог и хотел вернуться к отцу. Но Алексей Петрович, уже достаточно намучился с озорным и неуправляемым мальчишкой, таким же бойким и не погодам смекалистым, как мать; таким же егзой, и проходимцем. Никакие его усилия не могли изменить эти два одинаковых характера. И как ей, вертихвостке, не помогал его кулак, так и этому, стервецу, ремень был не указ. Ненависть к сыну усугублялась еще и тем, что Саша, как зеркальное отражение походил на мать. Поэтому новой семье «чужой» сын оказался не нужен и отец прогнал своего Сашу, употребляя при этом множество непечатных выражений. А потом там родился Лёша.

Саша и правда был очень не по возрасту самостоятельный, и если бы родители расстались, когда он был поменьше, трагедии с матерью, может быть, и не произошло бы.

Территория всего предприятия, как венами, пронизана железнодорожными путями. Чтобы грузовики и другая колесная техника могла свободно перемещаться между цехами, шпалы закатаны в асфальт, поэтому из него торчат только рельсы.

Нелепая, жуткая смерть произошла после смены прямо на

глазах у двух десятков работников, идущих вместе с Савельевой к проходной. Мать попала под «маневровый». Как такое могло произойти, ведь они шли одной «кучей», никто не может ответить до сих пор.

Подробностей описывать не станем, – там была непередаваемая картина. По этой же причине даже не предлагаю вам представить себе, что происходит с телом, которое затащило под тепловоз. От Савельевой не осталось практически ничего. Ее растерло и раскатало на три десятка метров. Все свидетели трагедии оцепенели от увиденного. Нереальность медленно исчезающего под тепловозом тела дополняло отсутствие не то что крика Савельевой, а даже хоть какого-нибудь звука. Ужас был такой, что никто, несколько секунд тоже не мог произнести ничего, а заорали на все лады, лишь когда из-под многотонной машины полилась багровая кровавая жижа попеременно с кишками, костями и ошметками одежды.

В тот день Корнеев первый и последний раз появился на предприятии. Это он заставил машиниста отмывать и тепловоз и пути, а потом потащил к себе в отделение, где сердце бедного старика не выдержало, и он умер прямо в клетке для задержанных.

Машинист второй смены говорил, что от тепловоза, как на живодерне, стало пахнуть кровью и свежим мясом. Этот запах преследовал его повсюду и, проработав всего пару дней, попросил перевести его слесарем в цех. Никому даже в голо-

ву не пришло посмеяться над ним или проверить его слова. К машине подходить боялись.

Тепловоз по договоренности с краевой администрацией хотели обменять в области на другой, но оттуда прислали нового машиниста, которому о страшном происшествии рассказали только после того, как он подметил, что в том самом месте, названном «Лида», по имени погибшей, машина издает какой-то странный звук, негромкий, но отчетливый, похожий то ли на стон, то ли на крик и, теряя тягу, притормаживает, словно спотыкается. Это длится, может быть, какую-то секунду, но провал мощности, похожий на толчок, подтверждают все приборы. К счастью, новичок оказался не слишком впечатлительным, да и повышенная, после происшествия, зарплата машиниста сделала свое дело. Он так и работает на предприятии до сих пор. Но удостовериться и в его словах желающих не нашлось.

А ночью на «Лиде» происходит странное мерцание. Ночная смена обходит этот участок дальней стороной, – за соседним цехом. Даже охране Два Винта рекомендовал по ночам не ходить здесь.

Причиной тому стал молдован Богдан Хава́й по прозвищу Обжора. Он, как и ВДВ ничего подозрительного ни в какое время суток здесь не видел, и шел через «Лиду» на четвертый пост. Увидев в ночной мгле его темный силуэт, одна из женщин-работниц подняла такой крик, что разбудила, наверное, весь город. Ответственный и лишенный навязчи-

вых мыслей Обжора подумал, что женщину нужно спасать и бросился ей на помощь, но та, увидев бегущее к ней приведение, упала в обморок. Случай не вполне веселый, так как после этого работница стала заикаться.

Кроме них ничего подозрительного здесь не видит только один человек – Савельев-старший. Несколько раз они втроем ночью приходили на «Лиду» и смотрели, но ничего необъяснимого не увидели. Наблюдательный Обжора предположил, что мерцанием могут быть отблески света, который качающейся на ветру прожектор отбрасывает на стекла цеха, а те на пути.

И вот, после взаимных упреков и «посылов» случился громкий скандал. Он быстро перерос в драку, а затем, также быстро в поножовщину, в которой Мойша в ярости махнул отца ножом по руке и по брюху, как на зоне отточенным «веслом». Хорошо, что в обоих случаях не до смерти!

Подоспевший, живущий в соседнем подъезде Два Винта, к которому втихаря прибежал Лёша, – младший Савельев, когда огонь родственного непонимания только разгорался, вытащил взбешенного Мойшу с окровавленным тесаком в руке на лестничную площадку. Потом отволоч к себе домой, притащил сумку водки и закрыл дебошира на пару дней. Сам же вызвал из больницы свою подругу, хирурга Ренату, которая прямо дома зашила старшему Савельеву ножевые. Потом отправил с ней Лёшу с наказом: не отпускать от себя до

команды.

К тому времени женщины в семье Савельевых уже не было. С Людмилой Алексей Петрович прожил недолго. Вредное производство быстро свело ее в могилу. Не помогла даже сила характера.

Два Винта остался с Савельевым и два дня ухаживал за раненым, уговаривая не заводить на сына «дело». Водки тоже выпили немало и, в конце-концов отец, то ли замученный уговорами, то ли ослабленный количеством алкоголя, согласился, но с одним условием: «Чтобы я больше этого выродка никогда в жизни не видел! Пусть катится отсюда куда угодно. Не то сам зарежу!». А потом добавил: «И на моих похоронах тоже, Виталий, чтобы его не было. Ответишь!». Два Винта пообещал (в уме держа только похороны, так как умершему уже все равно, а за живого разве поручишься, тем более за бандита, – мало ли что ему в голову может прийти!) и на третий день отправил Мойшу в другой город под протекцию своего однополчанина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.